

ВОЙНА

Цѣна отд. № 15 коп.

—
II-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

НОВЫЙ САТИРИКОН

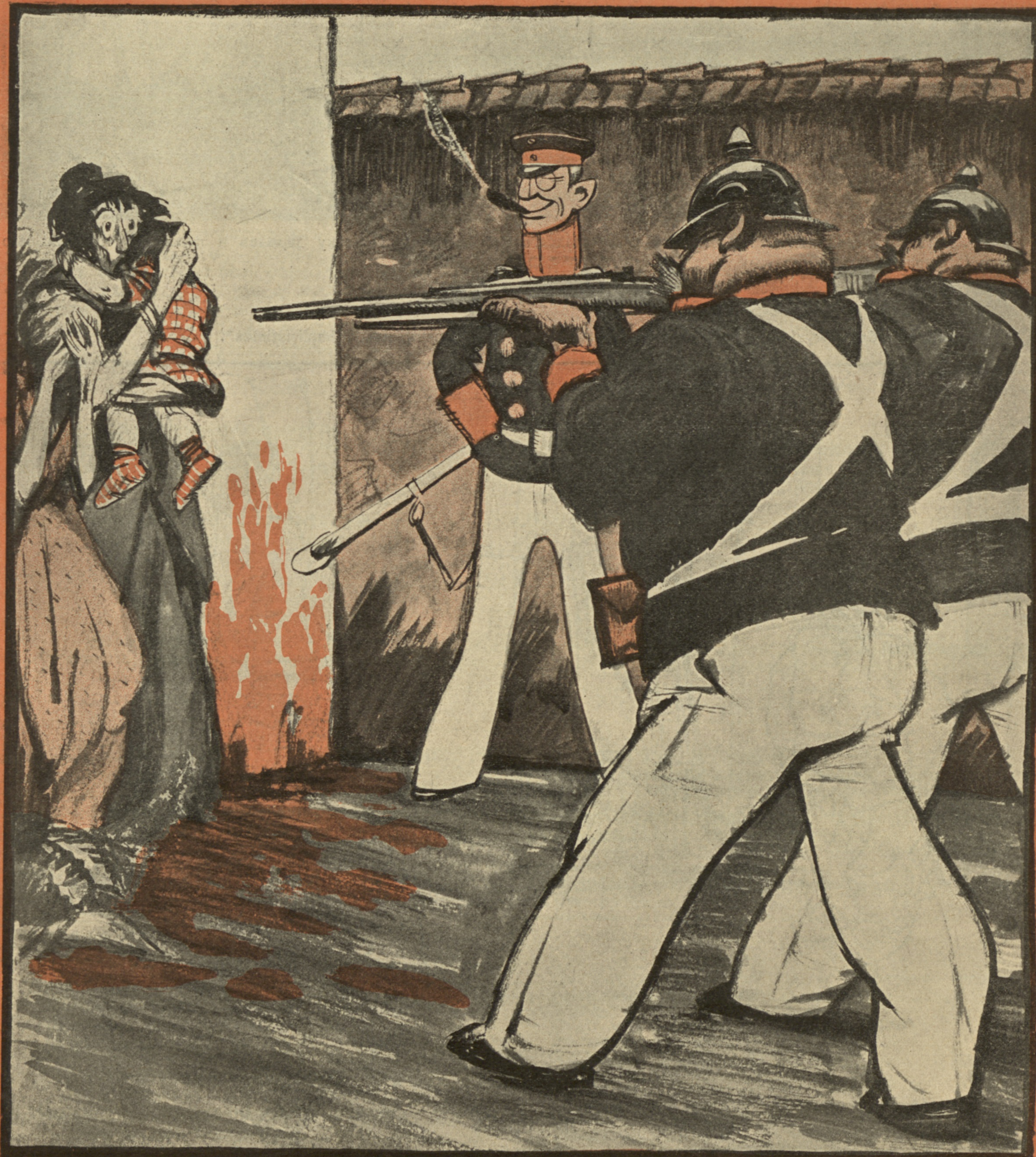
№ 32

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

1914

7 АВГУСТА.

Рис. Ре-ми.

РАЗСТРѢЛЪ НѢМЦАМИ ЖЕНЦИНЪ ВЪ ЧЕНСТОХОВѢ И КАЛИШѢ.

Прусскій лейтенантъ: — Смѣлѣе, солдаты! Вы видите, какъ непріятель блѣднѣетъ передъ нами?! Пли!!!

Вотъ какъ сами нѣмцы представляли себѣ незадолго до войны группировку державъ и положеніе тройственнаго союза („Simplicissimus“.)

Помѣщаемъ „блестящую и тонкую“ по юмору карикатуру на славянъ изъ „Simplicissimus“.

ЛЮБИМОЕ ЗАНЯТІЕ ПРИ СЕРБСКОМЪ ДВОРѢ, ИЛИ СЕРБСКІЙ ВИЛЬГЕЛЬМЪ ТЕЛЛЬ.

Кронпринцъ Георгъ-Сербскій стрѣляетъ въ клопа, сидящаго на головѣ Петра.

Дальше клоповъ, вшей и блохъ — тяжелое тевтонское остроуміе въ отношеніи славянъ не идетъ...

СВЕРШИЛОСЬ.

Свершилось. Часъ насталь. Вчера еще видали
 Съ вершины чуткихъ рей лихіе моряки,
 Какъ кто-то отвернулъ тяжелый пологъ дали,
 Дохнулъ и потушилъ на скалахъ маяки;
 И слышалъ часовой, какъ звонко — послѣ гула,
 Смахнувшего со скалъ руководящій свѣтъ, —
 Стоняли отъ тоски невидимыя дула,
 Не смѣя въ чуждый станъ дать опенный отвѣтъ:
 Все ждали... Подъ пятій желѣзнаго кумира,
 Повергнувшего міръ въ томленіе и страхъ,
 Тогда еще дышалъ печальный геній мира,
 Съ великой высоты низринутый во прахъ.
 А нынѣ — часъ насталь. Суровая десница
 Подъемлетъ надъ землей неукротимый мечъ,
 Кровавою волной окрасилась граница,
 Народы потекли на пламенную сѣчь;
 И скоро страшный Рокъ, нахмуривъ грозно брови
 И плюнувши свинцомъ изъ тяжкаго жерла,
 Всю землю претворить въ единый стустокъ крови
 Подъ царственнымъ крыломъ у Чернаго Орла...

Уже везутъ войска: медлительно и строго...
 Гдѣ ясенъ каждый шагъ, тамъ не къ чему опѣшить.
 Рядами черныхъ шпаль указана дорога
 Туда, гдѣ кто-то палъ во имя права жить.
 И смотреть на поля, — гдѣ никнетъ чья-то хата,
 Забытая людьми и мачехой судьбой, —
 Безликое лицо великаго солдата,
 Желѣзною рукой влекомаго на бой.
 Мелькаетъ русскій штыкъ, мелькаетъ чья-то ряса,
 Уходятъ въ даль ряды безъ мѣры, безъ конца...
 Обратно повезутъ куски живого мяса,
 Обрызганнаго сплошь потоками свинца.
 И будутъ гдѣ-то выть сѣдые ураганы,
 Скрывая наготу истерзанныхъ равнинъ,
 И будутъ заносить высокіе курганы,
 Укрывшіе слѣды кровавыхъ именинъ.
 И будетъ догнивать разрушенная хатка,
 И будетъ прижимать иззябшіе персты
 Къ измученной груди бездомная солдатка,
 И будетъ по ночамъ молиться на кресты.

Все, чѣмъ гордился міръ, — высокая культура,
 Недремлющій законъ, свѣтъ Божескихъ рѣчей, —
 Все ввергнула въ огонь преступная натура
 Верховнаго вождя нѣмецкихъ палачей.
 Ты, пригнетавшій міръ къ кровавому подножью,
 Воздвигшій наглый тронъ при помощи штыка,
 Ты, осквернившій санъ чудовищною ложью
 И промѣнявшій мечъ на славу мясника, —
 Смотри! Идетъ Судьба! Шаги ея жестоки,
 Она тебя зоветъ на твой послѣдній бой,
 И рухнуть на тебя кровавые потоки,
 Стекающіе съ жертвъ, умученныхъ тобой!
 Свершилось... Часъ насталь... Судьба уже у трона...
 Смотри, уже чадитъ надгробная свѣча,
 Колеблется твоя кровавая корона,
 И ты, подъявшій мечъ, погибнешь отъ меча!

Владимірь Воиновъ.

ПОСЛѢ ПОБѢДЫ.

Идиллія.

Толстый Тринкенъ съ кружкой пива,
 Какъ герой, сидитъ въ углу.
 Шуцманъ Тринкенъ горделиво
 Бьетъ ладонью по столу.

— Смерть славянскимъ подлымъ расамъ!
 Что французъ и что намъ бриттъ?!
 Шуцманъ Тринкенъ крѣпкимъ басомъ
 Въ упоеньи говоритъ.

— Разгромимъ мы это стадо
 Въ двѣ недѣли, видитъ Богъ!
 Герру Тринкелю, какъ надо,
 Втроятъ слушатели: «Hoch!».

— Вотъ вчера сраженье было...
 Утромъ вахмистръ мнѣ сказалъ:
 — Шуцманъ Тринкенъ, вы, вѣдь, сила, —
 Отправляйтесь на вокзаль.

Тринкенъ Veni, Vidi, Vici...
 Тучи русскихъ!.. Всѣ гурьбой!
 Дѣти, старцы и дѣвицы...
 Снялъ я саблю... — Тринкенъ, въ бой!

Вышелъ, рывкнулъ: — Что?! Попались!!
 А кругомъ народъ толпой...
 Наши: «Deutschland über Alles»...
 Эти: — Папа!.. Мама!.. Ой!..

— Шуцманъ Тринкенъ, смѣло въ драку!
 Видишь, — смотритъ лейтенантъ.
 Шуцманъ Тринкенъ, грянь въ атаку!
 Жизнь отдай за Vaterland.

Трусь, — какъ парій, подлѣ и гнусенъ.
 Храбрымъ жизнь не дорога.
 Съ крикомъ «Nieder mit den Russen!»
 Я бросаюсь на врага.

Сбросилъ въ рѣку вмигъ мальчишку,
 Семь старухъ прикладомъ сбиль
 И больного старичишку
 Честной саблей уложилъ.

Натискъ былъ блестящъ и друженъ,
 Наши силы горячи.
 — Кто кричитъ, что безоруженъ?
 — Безоружный?! Получи!

Нанесли мы, сколько надо,
 Ранъ, пинковъ и оплеухъ, —
 Пусть узнаетъ это стадо,
 Какъ могучъ тевтонскій духъ.

Я кричалъ имъ громогласно:
 — Вонъ орда изъ Vaterland!
 И хвалилъ меня ужасно
 Очевидецъ лейтенантъ.

За ребенка въ красномъ платьѣ,
 Что былъ мной въ бою убитъ
 Съ русской матерью въ объятьѣ, —
 Чаю, кайзеръ наградить?

* * *

Шуцманъ Тринкенъ строже втрое
 По столу ладонью бьетъ,
 А Bierhalle вокругъ героя
 Въ шумной радости реветъ...

Евг. Вѣнскій.

СПИЧКИ.

— Слышали? Нѣмцы одержали крупную побѣду при Чемоданѣ.
 — Чемоданъ? Развѣ есть такой городъ?
 — Это не городъ, а обыкновенный чемоданъ. Нѣмецкіе солдаты
 избилъ русскихъ путешественниковъ и при крикахъ: ура! вступили
 въ русскій чемоданъ.

Привычка.
 Когда еще городъ Льежъ не былъ взятъ, нѣмецкій генераль
 послѣ битвы запальчиво крикнулъ:
 — Принесли ли они, наконецъ, ключи отъ города?!
 — Никакъ нѣтъ.
 — Въ такомъ случаѣ, нѣтъ ли у кого изъ васъ отмычекъ!

Одинъ русскій сердобольный солдатикъ сочувственно говорилъ:
 — Круто имъ, нѣмцамъ сердешнымъ, приходится...
 — Почему?
 — Да все, какъ встрѣтятся, то „охъ да охъ“ кричать.
 — Это они „hoch!“ кричатъ.
 — Я и говорю.

Взятые въ плѣнъ бельгійцами нѣмецкіе солдаты въ одинъ го-
 лось жаловались, что они давно не ѣли.

Сначала бельгійцы думали, что нѣмцы голодны, — и принесли
 имъ хлѣба и мяса.

— Нѣтъ, — сказали нѣмецкіе солдаты, — мы потому давно не ѣли,
 что не можемъ ѣсть: наши офицеры во время ученья выбили намъ
 всѣ зубы.

Волкъ.

Вильгельмъ: — О, чорррртъ! Неужели подавился?!

Союзники: — Позвольте, мы похлопаемъ по спинѣ — легче будетъ!

Рис. Ре-ми.

Всѣ слухи о томъ, что у нѣмецкихъ солдатъ нѣтъ провіанта, не имѣютъ никакого основанія...

НѢМЕЦКІЙ ЗАСТУПНИКЪ.

Фельетонъ Арк. Аверченко

На мягкомъ диванѣ вагона второго класса дачнаго поѣзда сидѣли трое: пожилой худощавый брюнетъ съ желтымъ лицомъ, румяный, полный блондинъ и сѣдой старичокъ, лицо котораго сплошь заросло серебряными волосами, сквозь которые еле-еле продирались бойкіе черные глазки.

Старичокъ всю дорогу отъ Царскосельскаго вокзала до Царскаго Села молчалъ. Говорили только пожилой брюнетъ и румяный блондинъ.

Началось такъ: блондинъ судорожно скомкалъ вечернюю газету и сказалъ:

— Ну, и скоты же эти нѣмцы! То-есть, если бы сейчасъ былъ тутъ около меня какой-нибудь нѣмецъ — такъ бы и залѣпилъ ему...

Худощавый брюнетъ пожевалъ ротомъ и миролюбиво отвѣтилъ:

— Ну, за что же это вы такъ...

— За что?! А вы развѣ не читали, что нѣмцы продѣлывали съ нашими русскими путешественниками, очутившимися у нихъ въ Германіи?!

— Читалъ... Ну-съ, и что же?

— Какъ это вамъ понравится?

— Ничего не нахожу тутъ особеннаго... Просто озвѣрѣлый народъ, на которомъ пленка культуры была тоньше папиросной бумаги... Подуло вѣтромъ — она и слетѣла.

— Да?! Такъ вы говорите! — вспыхнул блондинъ. — Я знаю! Вы всегда заступаетесь за нѣмцевъ!.. А то, что они били женщинъ, отрывали дѣтей отъ матерей, бросали дѣтей въ воду — это какъ?

— И это вещь обыкновенная, — хладнокровно отвѣтилъ брюнетъ съ желчнымъ лицомъ. — Просто чувство безнаказанности опьянило ихъ. Возьмите, напримѣръ, домашнюю собаку. Всѣ ея инстинкты покорены угрозой наказанія... Но пусть убѣдится собака, что ей за это ничего не будетъ — какъ она сейчасъ же набросится на всѣхъ окружающихъ. Такъ и нѣмцы въ этотъ моментъ...

— Да, конечно, — съ обидой въ голосъ произнесъ блондинъ. — Вы и тутъ рады заступиться за нѣмцевъ... Удивляюсь, какъ вы не перешли въ ихъ подданство!

Онъ отвернулъ въ сторону обиженное лицо и замолчалъ, но потомъ не выдержалъ:

— Допустимъ, что они оскорбляли и мучили взрослыхъ... Но дѣти! Чѣмъ виноваты эти беззащитныя крошки?! Вѣдь у нѣмцевъ тоже есть дѣти?

— И крошки не виноваты, и нѣмцы не виноваты, — примирительно сказалъ желчный. — Возьмите вы русскую домашнюю свинью: рождаетъ она поросятъ, но родивши, все время должна охранять ихъ отъ кабана... Потому что — не догляди только — и кабанъ ихъ моментально слопаешь! Просто атрофія отцовскаго начала.

— Ну-съ, и что же это доказываетъ?! — запальчиво вскричалъ блондинъ.

— А то, что я указываю на аналогію...

— Ахъ, такъ?! На аналогію?! Вы бы еще пошли и поцѣловали того нѣмца, который столкнулъ въ воду пятилѣтняго русскаго ребенка!

— Цѣловать я его не буду, но и не понимаю этихъ несправедливыхъ нападокъ на нѣмцевъ... Просто люди опи-

лись пивомъ, завалили сердце жиромъ и чувствуютъ себя превосходно со своимъ толстокожимъ кайзеромъ. Неужели, за это на нихъ и обрушиваться?..

— Ну, допустимъ! Но вы, вѣроятно, придете въ восторгъ и отъ того, что нашихъ русскихъ путешественниковъ избивали даже ихнія сестры милосердія.

— Въ восторгъ я не приду, но что я этихъ сестеръ милосердія понимаю — такъ это вѣрно.

— Конечно, вы должны понять!! — взвизгнул блондинъ. — Я думаю, ваше сердце должно забиться въ унисонъ!..

— Я понимаю этихъ сестеръ милосердія, — не обращая вниманія на послѣднюю фразу блондина, подтвердилъ желчный брюнетъ. — Дѣйствительно: кто онѣ? Сестры и дочери нѣмцевъ — тѣхъ нѣмцевъ, чья шкура толще гиппопотамовой, чьи мозги совершенно заспиртовались въ пьяномъ угарѣ своей безнаказанности и миражнаго владычества надъ всѣмъ міромъ. Нѣмцы считаютъ всѣхъ русскихъ, низшей расой, чуть не за свиней — ну, и эти ихнія сестры милосердія тоже подражаютъ имъ. Поэтому я и не вижу, чѣмъ тутъ особенно возмущаться?..

— Вотъ, вотъ! Я одного не понимаю... Если вы такой ярый германофилъ — почему вы сидите здѣсь? Почему вы не поѣдете въ Германію и не женитесь на нѣмкѣ?! На одной изъ этихъ толстыхъ гусынь?!

— И опять вы слишкомъ нападаете на нѣмокъ, клеветаете на нихъ. Почему толстая гусыня? Правда, нѣмка неповоротлива, глупа, холодно-развратна, продажна безъ темперамента и приторно сантиментальна; но вѣдь какъ же обвинять ее за это, если она дочь своего народа — такъ же расчетливаго, холодно-развратнаго и ограниченнаго. Конечно, тутъ нельзя искать темперамента француза, широкаго размаха славянина... Пфенигъ выше всего. Но таковъ ужъ весь укладъ нѣмецкой жизни.

— Вы знаете, — нервно сказалъ блондинъ, — при такомъ настроеніи, которое сейчасъ есть у Россіи къ нѣмцамъ, съ вами опасно ѣхать рядомъ. Вы такъ превозносите ихъ, такъ готовы перегрызть за нихъ горло, что васъ прямо сочтутъ за германскаго шпіона.

— Глупости! Я не шпіонъ, но только всегда буду протестовать, если на людей несправедливо нападаютъ...

Блондинъ, разсерженный, хотѣлъ прекратить споръ, но это было выше его силъ. Молчать онъ не могъ.

— По-вашему, — скрививъ ротъ, проворчалъ онъ, — Вильгельмъ поступилъ правильно, объявивъ намъ войну? Да? Иначе онъ поступить не могъ?

— А конечно же не могъ! Станьте на его точку зрѣнія — и вы поймете его!

— Да-съ! Такъ-съ!? Это еще почему?

— Потому-съ! Человѣкъ ограниченнаго ума, съ душой фельдфебеля и съ узкой головой, сдавленной тяжелымъ металломъ каски, онъ только и могъ смотрѣть на все съ точки зрѣнія казармы... А, кромѣ казармы, отъ него за версту несетъ плохимъ актеромъ. Вѣдь я увѣренъ, что онъ, объявляя войну, искренно воображалъ себя Александромъ Македонскимъ... «Покорю, — думаетъ, — весь міръ и буду въ исторіи однимъ изъ первыхъ лицъ».

— Ну, вотъ! То вы восхищались нѣмецкимъ народомъ, теперь сравниваете ихняго Вильгельмишку съ Александромъ Македонскимъ... Я не удивлюсь, если вы его портретъ носите на груди, въ медальонѣ...

И, переходя съ обыкновеннаго голоса на пронзительный, нервный, — блондинъ взвизгнулъ:

— Долженъ же онъ былъ понимать, что его рѣшеніе несетъ смерть миллионамъ людей, которые любятъ жизнь и хотятъ такъ же, какъ и онъ, любоваться солнцемъ и дышать свѣжимъ воздухомъ!! Какой же онъ, значить, извергъ, если, не задумываясь, бросилъ себѣ подъ ноги эту гекатомбу тѣль...

— Вы къ нему несправедливы, — мягко возразилъ желчный господинъ. — «Не задумываясь»... Для того, чтобы задуматься, нужно имѣть то, чѣмъ думаютъ, а я не думаю, чтобы у бѣднаго Вильгельма этого матеріала было много...

— Такъ, такъ! Значить, онъ, по-вашему, правъ, значить, нужно схватить кружку пива и кричать за его здоровье: hoch, Вильгельмъ! Да? Но, позвольте... если у него нѣтъ ума — долженъ быть у него простой человѣческой здравый смыслъ...

— Позвольте, не кричите, — осадилъ блондина брюнетъ. — Изъ того, что мы воюемъ съ Вильгельмомъ, не слѣдуетъ, что мы должны быть къ нему несправедливы... Вы говорите: здравый смыслъ... Но вѣдь здравый смыслъ можетъ быть у здороваго человѣка, а вы должны знать, да и всѣ это знаютъ, что Вильгельмъ боленъ... Этимъ...

Онъ наклонился и шепнулъ что-то на ухо блондину.

— И что жъ изъ этого слѣдуетъ? — какъ пѣтухъ, подскочилъ блондинъ.

— Изъ этого всегда слѣдуетъ прогрессивный параличъ...

— Но въ такомъ случаѣ надъ нимъ должны назначить опеку!...

— Ого! Опеку... Пусть бы онъ только пронюхалъ объ этомъ — хорошій бы галстукъ на шею получилъ первый же опекунъ... Никто бы и не узналъ, отчего здоровый человѣкъ ноги протянулъ.

— И, по-вашему, Вильгельмъ способенъ на это?

— Конечно, — благожелательно кивнулъ головой желчный брюнетъ. — На это и на многое другое... Способный паренекъ.

— Да?! — снова загорѣлся блондинъ. — Такъ?! Я только одного не понимаю: если вы такъ восхищаетесь способностями Вильгельма, такъ заступаете за него, — почему вы не поступите прямо въ его армию?! Переберитесь потихоньку за границу, да и вступайте въ любой его ландверный, или какъ тамъ, чортъ его передери, онъ называется, — полкъ?!... То-то эти толстокожіе нѣмцы вамъ обрадуются!! А Вильгельмъ напишетъ, что къ нему русскіе бѣгутъ тысячами.

— Простите, — мягко возразилъ брюнетъ, — но я снова долженъ заступиться за Вильгельма...

Въ этомъ мѣстѣ поѣздъ споткнулся на перронѣ Царскаго Села и остановился.

Такъ и осталось неизвѣстнымъ — какой доводъ выдвинетъ желчный брюнетъ въ защиту Вильгельма.

Оба спорщика — брюнетъ и блондинъ — остались на своихъ мѣстахъ, а безмолвный слушатель — сѣдой старичокъ съ быстрыми черными глазками всталъ, собралъ покупки, перекинулъ черезъ руку пальто и, обращаясь къ желчному брюнету, заступнику Вильгельма, сказалъ:

— Моя фамилія Таборькинъ. Запомните.. У меня къ вамъ просьба: если бы при васъ кто-нибудь сталъ меня ругать, то какъ бы онъ ни ругалъ меня, — будьте добры, не заступайтесь за меня! Пожалуйста...

Вышелъ.

Аркадій Аверченко.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МАКСА ЛИНДЕРА КЪ ВИЛЬГЕЛЬМУ ВТОРОМУ.

Ваше величество! Я собирался вамъ писать еще въ началѣ войны, но меня удержало сомнѣніе: я не зналъ, кому вы, собственно, подражаете: мнѣ, или Наполеону... Теперь же выясняется, что — мнѣ, и я спѣшу выразить вамъ по этому поводу все свое неудовольствіе...

Скажите, пожалуйста, съ какой стати вы такъ дерзко покушаетесь на мою славу, на славу всемірнаго юмориста?..

Вы отлично знаете, что до сихъ поръ послѣ Наполеона вторымъ некоронованнымъ властелиномъ міра былъ я и

надо вамъ замѣтить, что пока нѣтъ никакой нужды въ третьемъ... Это во-первыхъ, а, во-вторыхъ, у васъ нѣтъ (никакого таланта... Правда, вы вызываете смѣхъ, но этотъ смѣхъ не веселый... Вы, рабски подражая мнѣ, гоняете пассажировъ, — дѣтей, стариковъ и женщинъ — по улицамъ, вокзаламъ, полямъ и лѣсамъ, но хотя это и чисто-кинематографическіе трюки — они ни у кого не вызываютъ хохота...

Вы и ваши покорные статисты раздаете миллионы храбрыхъ зуботычинъ беззащитнымъ и безоружнымъ людямъ, но это все-таки не похоже на то, что дѣлаю я...

У меня это выходитъ веселѣе...

И, поэтому, когда я приглашаю въ театръ все населеніе, то идутъ всѣ, начиная отъ шестилѣтнихъ дѣтей и кончая сѣдыми стариками...

Въ театръ же, затѣянный вами, вы съ неимоверными усилиями стараетесь втащить лишь мужчинъ, да и то только отъ 17 до 45 лѣтъ...

И — кто знаетъ! — суждено ли этимъ мужчинамъ веселиться?..

Ихъ жены и дѣти плачутъ уже кровавыми слезами отъ вашего веселья, а имъ самимъ предстоитъ еще это занятіе и въ будущемъ!..

Вы очень плохой подражатель, уважаемый Herr Кайзеръ!

Вы завистливы и чрезмѣрно-честолюбивы, какъ всѣ неталантливые люди. Вы, во что бы то ни стало, захотѣли стать третьимъ послѣ Наполеона и меня...

Что жъ, не знаю, уступитъ ли вамъ свое мѣсто Наполеонъ, но я свое — уступаю охотно...

Веселите міръ, мой уважаемый, но неудачливый соперникъ, потѣшайтесь въ гостиницахъ и на вокзалахъ надъ бѣдными пассажирами, попавшими въ ваши лапы, издѣвайтесь надъ ними, развѣзжайте по улицамъ Берлина въ красномъ автомобилѣ и бѣломъ плащѣ...

Я уступаю вамъ свою славу... Будьте вы сейчасъ всемірнымъ комикомъ, а я буду терпѣливо ждать, когда вы, подобно мнѣ, покорите міръ...

Но помните, что иногда расплата съ артистами, подобными вамъ, бываетъ жуткой... Ему не только свищутъ: въ него и его трупъ съ свистомъ летятъ миллионы пуль, ему тяжело аплодируютъ пушки...

А послѣ такой встрѣчи, право, лучше ужъ быть первымъ въ Берлинѣ, чѣмъ третьимъ въ мірѣ...

Всего вамъ не хорошаго! Вашъ Максъ Линдеръ.

Письмо перехватилъ Ефимъ Зозуля.

НЕ БОЙТЕСЬ.

Загорѣлись кровавыя зори,
Но отрадная правда звенитъ:
Гдѣ-то тамъ у далекаго моря
Побѣдилъ Голиава Давидъ...

Кто-то плачетъ, и въ будущей крови
Зарождается жуткій напѣвъ,
Но не бойтесь — стойте наготовѣ
Недрожащій и праведный гнѣвъ.

Было счастье... И яркое солнце
Надъ громадной равниной людской
Не затушитъ насилье тевтонца
Окровавленной наглою рукой.

Не увидѣтъ глазамъ иновѣрца
Опустѣнныя потоптанныхъ нивъ,
Если гордое русское сердце
Охватилъ беззавѣтный порывъ.

Съ нами вѣра, что лучшее время
Подошло и стойте у воротъ,
И свободное, смѣлое племя
Никогда, никогда не падетъ.

Будетъ мечь, но застынетъ навѣки
Угрожающій тягостный рокъ,
Да сольются тевтонскія рѣки
Въ горделивый славянскій потокъ!..

Арк. Буховъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Потомки Шиллера.

Если вы развернете любой романъ Майнъ-Рида или Буссенара — вы тамъ можете найти слѣдующій характерный отрывокъ:

„Группа воиновъ привела связанныхъ европейцевъ въ деревню. Изъ всѣхъ хижинъ выбѣжали дикари, ихъ жены и дѣти... Всѣ они осыпали плѣнниковъ ругательствами, а нѣкоторые даже пытались ихъ ударить... Однако, воины не подпускали близко разъяренныхъ фурий, отгоняя ихъ и окружая плотнѣе своихъ плѣнниковъ... Приведя блѣднотлицыхъ къ какой-то хижинѣ, дикари втокнули ихъ туда, поставили кувшинъ съ водой, нѣсколько маисовыхъ лепешекъ и, бросивъ охапку листьевъ вмѣсто постели, удалились“...

Если вы развернете любую газету послѣднихъ дней, вы натолкнетесь на слѣдующій характерный отрывокъ:

Нѣмецкіе солдаты съ ругательствами и пинками вытащили русскихъ путешественниковъ изъ вагоновъ и, подгоняя ихъ прикладами, погнали къ грязной зловонной скотобойнѣ. По пути женщины и дѣти толкали и били русскихъ плѣнниковъ, и когда послѣдніе обращались къ солдатамъ за защитой, тѣ только ухмылялись... Загнавъ всѣхъ русскихъ съ больными и дѣтьми въ скотобойню, нѣмцы заперли ихъ тамъ на цѣлую ночь, голодныхъ, жаждущихъ, а когда одинъ изъ русскихъ, увидѣвъ у порога ведро воды, потянулся къ нему, солдатъ со смѣхомъ вылилъ воду на землю. Спать пришлось въ навозѣ“...

(„Петерб. Курьеръ“).

Какъ бы широко открылъ глаза Буссенаръ и Майнъ-Ридъ, узнавъ, что черные носы „страшныхъ африканскихъ дикарей“ утерты культурными нѣмцами.

Сокращенный курсъ.

„Пет. Газета“ сообщаетъ:

Съ текушаго учебнаго года нѣмецкій языкъ будетъ совершенно изгнанъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Вмѣсто нѣмецкаго языка, какъ намъ передаютъ, будетъ введенъ англійскій языкъ, а въ коммерческихъ училищахъ, гдѣ этотъ языкъ уже преподавался, по всей вѣроятности, будетъ введенъ шведскій языкъ.

Итакъ — нѣмецкій языкъ совершенно изгоняется...

И это совершенно напрасно

Можно было бы просто сократить курсъ.

Напримѣръ: преподается курсъ нѣмецкаго языка всего одинъ день и состоитъ онъ всего изъ трехъ словъ:

- 1) Дикари.
- 2) Жулики.
- 3) Лгуны.

Надо же, чтобы любой русскій юноша или дѣвушка могли точно формулировать свое мнѣніе о нѣмцахъ на ихъ родномъ языкѣ.

Рапсодъ.

Нѣкій австріецъ отставной генералъ Октавиусъ выпустилъ книгу „Боевая рапсодія“. Въ этой книгѣ Октавиусъ рисуетъ яркими красками тѣ планы, которые обуреваютъ горячія австріискія головы.

Вотъ, что говоритъ этотъ Октавиусъ, которому почетное мѣсто рыжого въ любомъ провинціальномъ циркѣ вполне обеспечено:

„Уже въ послѣднихъ числахъ февраля 1918 г. австріискія миноноска и двѣ подводныя лодки самой новѣйшей конструкціи проходятъ Дарданеллы незамѣтно, подъ турецкимъ флагомъ, и бросаютъ якорь въ глухомъ мѣстѣ у южнаго устья Дуная — оставаясь здѣсь подъ парами, въ полной боевой готовности. 3-го марта, вечеромъ, приходитъ черезъ Бухарестъ приказъ сняться съ якоря. Запечатанный пакетъ содержалъ планъ немедленнаго нападенія на севастопольскій флотъ. На стоящихъ на рейдѣ австріискіхъ броненосцахъ и крейсерахъ царить кипучая дѣятельность. Австріискія флотилія съ максимальной скоростью отплыла по назначенію и сумѣла обмануть бдительность непріятеля. Въ нѣсколько минутъ три страшныхъ взрыва потрясли воздухъ: русскіе корабли „Екатерина II“ и „Іоаннъ Златоустъ“ тяжело повреждены и легли на бокъ; крейсеръ „Адмиралъ Лазаревъ“ въ нѣсколько мгновений пошелъ ко дну...“ и т. д... Такъ было дѣло на морскомъ театрѣ войны, на сухопутномъ же произошло слѣдующее:

„Послѣ многочисленныхъ стычекъ подъ Бердичевымъ и Киевомъ, подъ Бендерами и Екатеринославомъ, русскіе вынуждены были подъ напоромъ непріятеля отступить въ Москву. 21 марта австріискія армія беретъ штурмомъ сильно укрѣпленныя позиціи подъ Каменецъ-Подольскомъ; спустя два дня 2-я румынская армія разбиваетъ русскихъ подъ Могилевомъ“...

Въ восьмидневной битвѣ на протяженіи 265 километровъ столкнулись другъ съ другомъ два съ половиной милліона борцовъ. Триста тысячъ убитыхъ. Союзники берутъ Бендеры, Николаевъ, Керчь Кременчугъ“...

„Швеція и Норвегія тоже оказываются побѣдительницами. Турки берутъ Карсъ, Японія и Китай — Владивостокъ. Болгары заняли Македонію.“

26 марта назначается временное правительство для Польши въ Люблинѣ. 14 апрѣля для Украины въ Бердичевѣ“...

Союзники, конечно, облагаютъ при этомъ Россію громадной контрибуціей въ размѣрѣ 11 милліардовъ рублей, которая проливается золотымъ дождемъ на Австрію, Румынію, Швецію и Норвегію.

Въ результатѣ слѣдуетъ, какъ апофеозъ, торжественный манифестъ австріискаго императора, возвѣщающаго возлюбленному народу народженіе новой федеративной имперіи, въ составъ которой входятъ: Австрія, Венгрія, Польша, Малороссія, Хорватія и Боснія-Герцеговина. Такова будетъ „Великая Габсбургія“.

Интересно, что говоритъ этотъ рыжій Октавиусъ теперь, когда даже Сербія щиплетъ австріискаго орла такъ, что у него перья летятъ.

Впрочемъ, цирковые рыжіе находчивы: схватить Октавиусъ орлиное перо и настроичить новую „рапсодію“.

Око за око.

„Нов. Время“ сообщаетъ:

Нѣсколько тысячъ русскихъ хлѣбопашцевъ, ушедшихъ весной на полевые работы въ Германію, не успѣли вернуться домой. Практичные германцы используютъ ихъ для уборки посѣвовъ своихъ запасныхъ.

Позволяемъ себѣ напомнить русскому правительству, что и у насъ есть нѣсколько тысячъ задержанныхъ нѣмцевъ.

Нашли время...

Кто о чемъ, а „Кавказъ и Меркурій“ пребываетъ въ мирномъ житіи:

Правленіе пароходнаго общества „Кавказъ и Меркурій“ разослало командирамъ своихъ волжскихъ пароходовъ слѣдующій циркуляръ:

„Въ виду того, что многіе гг. пассажиры не выносятъ запаха черемухи и подобныхъ (?) духовъ, правленіе проситъ гг. командировъ,

Нѣмецкія фантазіи.

„Въѣздъ нѣмцевъ
въ Лондонъ“.

(Рис. изъ Lustige Blätter).

чтобы буфетчики не подавали такого мыла гг. пассажирамъ безъ особаго требованія и чтобы въ общіе умывальники они не клали такого мыла".

Все заботы и заботы...

Ахъ, если бы и нѣмцы такъ же заботились о русскихъ пассажирахъ!..

Лошадь-капитанъ.

Говорятъ, что недостатокъ личнаго команднаго состава на германскихъ судахъ восполняется свободными лошадьми.

Потому что не человекъ же, а только сивый меринъ можетъ такъ врать (телеграмма изъ Берлина):

Командиръ крейсера „Агсбургъ“ доноситъ въ 7 час. вечера по радиотелеграфу:

„Бомбардировалъ военный портъ Либавы. Схватился съ неприятельскимъ крейсеромъ, поставилъ минныя загражденія. Либава пылаетъ“.

Если Либава и пылаетъ, то отъ стыда за командира „Агсбурга“.

Такъ иногда четвероногое, — морской волкъ, — можетъ превратиться въ другое четвероногое — сиваго мерина.

Мизерикордія.

Одинъ русскій путешественникъ, съ величайшимъ трудомъ вернувшійся изъ Берлина, рассказываетъ о томъ, какъ ихъ провожали нѣмецкія сестры милосердія.

И какое страшное, невѣроятное нравственное паденіе народа: на слабыхъ дѣтей и больныхъ женщинъ безъ милосердія кидались съ кулаками и проклятіями нѣмецкія сестры милосердія.

Такой сестрѣ милосердія легче всего облегчить страданія раненаго: возьметъ просто и придушитъ его.

Это ли не облегченіе страданій!

Въ прежнее время, впрочемъ, существовалъ особый короткій кинжалъ для того, чтобы прекращать страданія раненыхъ. Онъ назывался „Мизерикордія“ (милосердіе).

ЗАМѢЧАНІЯ ИВАНОВА ПАВЛА (3-го КЛАССА, ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ОТДѢЛЕНІЯ), НА ПОЛЯХЪ НѢМЕЦКОЙ ГРАММАТИКИ ЭМИЛЯ ОТТО (ИЗД. 21-е).

УПРАЖНЕНИЕ 5-е.

Mein Vater hat einen Esel und der Italiener hat zwei Esel. Однако Италия сохранила нейтралитетъ!!

Der Sohn hat den Hut seines Vaters. Сынъ имѣетъ шляпу своего отца... Но сохранить ли онъ корону своего дѣдушки?

УПРАЖНЕНИЕ 17-е.

Ich liebe dich nicht. По-нѣмецки отрицаніе ставится въ самомъ концѣ фразы. Ich liebe dich nicht: я люблю тебя не. Поэтому нѣмцы часто даютъ въ газеты ошибочныя извѣстія о своихъ побѣдахъ. Они забываютъ поставить въ концѣ длинной реляціи «не».

УПРАЖНЕНИЕ 18-е.

Когда глаголь стоитъ въ началѣ предложенія, предложеніе превращается въ вопросительное. Hat dein Vater den Esel? Нѣмцы, которые плохо учились въ школѣ и не знаютъ этого правила, впадаютъ иногда въ курьезныя ошибки. Hat der general Moltke die Franzosen besiegt? Это вопросъ. А учившійся на двойку нѣмецъ думаетъ, что это обозначаетъ: генераль Moltke побѣдилъ французовъ. И кричитъ hoch! вмѣсто того, чтобы кричать караулъ!

УПРАЖНЕНИЕ 19-е.

По-нѣмецки существительныя сливаются въ именительномъ падежѣ и въ сліяніи образуютъ одно слово. Напримеръ: der Saupreuße. Это можно перевести четверою: свинья-пруссакъ, пруссакъ-свинья, прусская свинья и свинячій пруссакъ. Очень трудный языкъ.

УПРАЖНЕНИЕ 20-е.

У нѣмцевъ слишкомъ много вспомогательныхъ глаголовъ. Können — мочь, Wollen — хотѣть, Sollen — быть должнымъ, Müssen — быть обязаннымъ, Mögen — тоже въ родѣ мочь и Dürfen — въ родѣ имѣть позволеніе. Поэтому они очень часто не знаютъ, какой изъ этихъ глаголовъ надо въ извѣстномъ случаѣ употребить. Вильгельмъ въ сущности wollte объявить Европѣ войну, но онъ думалъ, что онъ sollte. Почему онъ не спросилъ у знатоковъ языка, darf ли онъ? Теперь, когда къ Россіи и Франціи присоединились Англія и Бельгія, выходитъ, что онъ только möge, но насчетъ können, послѣ неудачъ подъ Льежемъ очень сомнительно.

УПРАЖНЕНИЕ 21-е.

По-нѣмецки дѣвушка — средняго рода: das Mädchen. Нечего поэтому удивляться грубости и наглости пруссаковъ по отношенію къ русскимъ дѣвушкамъ, имѣвшимъ несчастье очутиться на ихъ территоріи, послѣ объявленія войны. Если дѣвушка для нихъ средняго рода, такъ что же съ нихъ спрашивать?

Владиміръ Азовъ.

СПИЧКИ.

Военная мудрость.

Бѣлый флагъ выкидывается только тогда, когда не удается выкинуть неприятеля.

Что-бы сказалъ онъ...

Если бы былъ живъ Козьма Прутковъ, то, глядя на выступленія австрійцевъ, онъ непременно разразился бы сентенціей: — Трудно добраться до чьихъ-либо границъ государству, которое уже всѣ границы перешло...

СЛОВО И ДѢЛО.

„Новый Сатириконъ“ всегда симпатизировалъ нашимъ братьямъ полякамъ...

Поэтому и сейчасъ онъ, для удобства поляковъ, печатаетъ нѣмецкую прокламацію къ нимъ¹, съ систематическимъ указаніемъ того, что уже сдѣлано нѣмцами полякамъ изъ указанного въ прокламаціи...

Объцано въ прокламаціи:

Уже исполнено:

„Приближается минута освобожденія изъ-подъ ярма московскаго! Соединенныя войска нѣмецкія и австро-венгерскія вскорѣ перейдутъ границу королевства польскаго. Уже москали почесываются. Падаютъ ихъ кровавое владычество, тяготѣвшее надъ вами уже болѣе ста лѣтъ.

Мы приходимъ къ вамъ, какъ друзья. Привѣтствуйте насъ!

Мы несемъ вамъ свободу и независимость, за которыя столько перетерпѣли ваши отцы. Пусть восточное варварство отступитъ передъ западной цивилизаціей, общей вамъ съ нами.

Повстанцы, помните о нашемъ прошломъ, столь великомъ и славномъ! Соединяйтесь съ союзными войсками. Общими силами мы выгонимъ съ границъ Польши азіатскія орды.

Мы приносимъ также свободу исповѣданія и почтенія къ религіи, такъ жестоко попираемой Россією.

И заканчивается „прокламація къ полякамъ“ такъ:

„Пусть изъ прошлаго и изъ настоящаго заговорятъ къ вамъ льды Сибири, и кровавое дѣло Праги, и мучительство уніатовъ! Съ нашими знаменами приходятъ къ вамъ свобода и независимость!..“

Мы надѣмся, что послѣ прочтенія нашей „параллели“ всякій благомыслящій полякъ отвѣтитъ на послѣднюю фразу:

— Взять бы эти твои знамена, да по мордѣ знаменами! Не лги, каналья.

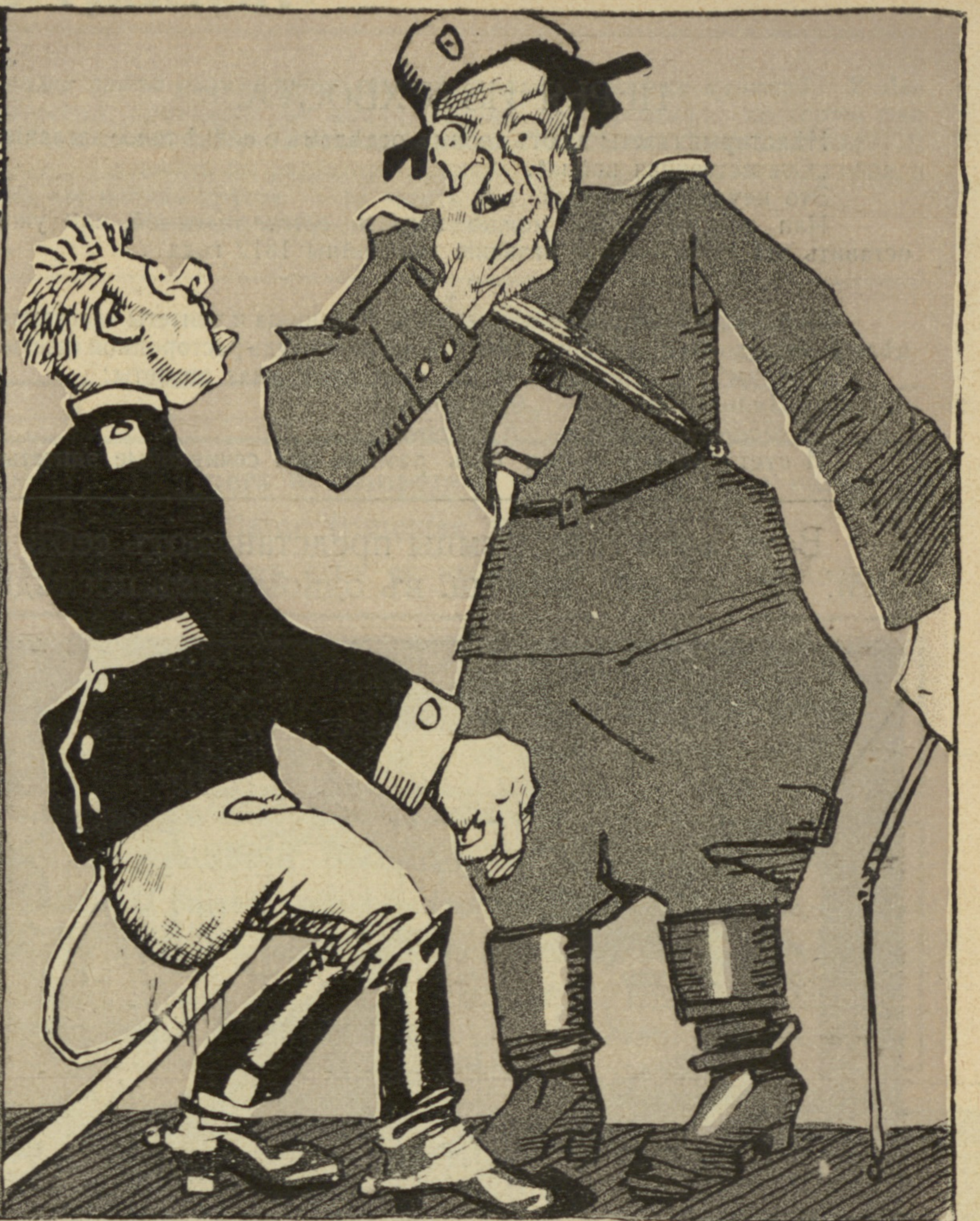
¹ Эта прокламація была недавно разбросана съ аэроплана въ окрестностяхъ Варшавы и доставлена намъ однимъ изъ подписчиковъ.

Дѣйствительно, они пришли какъ друзья: наложили на первый польскій городъ, въ который вступили, штрафъ въ 50000 руб., устроивъ для этого провокаторскую стрѣльбу въ самихъ себя. Разстрѣляли жителей, которые протестовали противъ этого...
Городъ разграбленъ.

Восточное варварство дѣйствительно, отступило передъ западной цивилизаціей: цивилизованные нѣмцы насильствовали польскихъ женщинъ и даже дѣтей. Въ Калишѣ убивали гражданъ, пытавшихся защищать женщинъ, и трупы убитыхъ не позволяли убирать. Такъ и валялись разлагающіеся трупы на главныхъ городскихъ улицахъ передъ глазами женъ и дѣтей...

Принесли уже свободу исповѣданія и почтенія къ религіи: разграбили Ченстоховскій монастырь, устроили въ храмѣ оргію съ женщинами и украли ризы съ самой дорогой для поляковъ святыни — иконы Ченстоховской Божіей матери...

П О В О Д Ъ.

На Берлинскомъ вокзалѣ.
Нѣмецъ: — Что у тебя тутъ въ багажѣ? Есть проволока?
Русскій туристъ: — Что вы! Никакой проволоки тамъ нѣтъ...
— Ахъ, нѣтъ!.. Значить, ты везешь беспроводный телеграфъ?! Я долженъ тогда арестовать твой багажъ.

ВЪ СТРАНѢ „ФРАНЦА-ЮСИФА“.

Казакъ (зажимая носъ). Фи! Ну, можно ли такъ пугаться?!

Рис. А. Юнгера.

ГЕРМАНІЯ ПОДЪ ЛЬЖЕМЪ.

— Ой-ой! Дѣйствительно, тутъ Бельгійская анонимная компанія: и французы, и англичане дерутся!..

Чешскіе полки, мобилизуемые Австріей, взбунтовались.

Францъ-Юсифъ: — Что это у меня — то тутъ, то тамъ чешется?!
— Это, вѣроятно, чешскіе полки кусаютъ, ваше величество!

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Нѣкоторыя газеты даютъ своимъ отдѣламъ о войнѣ такое заглавіе:
„Отечественная война“.

Это неудачно.

Или всякую войну можно назвать *отечественной*, или ужъ
оставить это историческое названіе для войны 1812 года...

* *

Вообще, всѣ историческія названія, прозвища и эпитеты слагаются
цѣлымъ народомъ, а не произволеніемъ какой-нибудь расторопной газеты.

Напримѣръ, „Петерб. Газета“ сама придумала эпитеты:

1) Вильгельму II — „Безумный“.

2) Францу-Иосифу — „Кровавый“.

И суеть во всѣ статьи безъ разбора эти сочиненные эпитеты.

Не безпокойтесь, обзоветь эту парочку, какъ слѣдуетъ, цѣлая нація,
а не вы... И прозвище это на цѣлые вѣка прилипнетъ такъ, что потомки
не отдеруть.

* *

Та же газета цитируетъ сообщеніе какой-то газеты „Тампъ“.

Что это за газета „Тампъ“?

Если это — „Temps“, то печально. Очень печально!

Можно сейчасъ звѣрствовать и насиловать нѣмецкій языкъ, но
зачѣмъ же истязать прекрасный языкъ нашихъ союзниковъ?

* *

Другой авторъ (тамъ же, обрушиваясь на нѣмецкіе курорты)
сообщаетъ, что

„... наша родина изобилуетъ ... климатомъ“.

Вотъ какъ сами нѣмцы представляютъ себѣ результатъ методовъ управленія Вильгельма II Герма-
ніей. (Этотъ рис. помѣщ. въ одномъ изъ послѣднихъ №№ журн. „Simplicissimus“. Рис. худ. Т. Гейне).

ИМПЕРСКІЙ АВТОМОБИЛЬ.

— Можетъ быть, намъ давно слѣдовало бы обзавестись тормозомъ.

Это напоминает рассказ о томъ солдатѣ, который, вернувшись съ войны, — на вопросъ: „Хорошій ли въ Манчжуріи климатъ?“ — отвѣтилъ съ сердцемъ: „Какой тамъ къ чорту климатъ, когда иголка двадцать копѣекъ стоитъ!“.

* * *

Весь міръ пылаетъ заревомъ войны, а „Синему Журналу“ не до того. Онъ помѣщаетъ фотографію женщины, лежащей (?) на куриныхъ яйцахъ, и сопровождаетъ этотъ монстръ хладнокровной подписью: „Во многихъ деревняхъ старухъ и тяжело-больныхъ крестьяне утилизируютъ для сельско-хозяйственныхъ цѣлей. Ихъ садятъ на яйца. Цыпляты, высиженные человѣкомъ, ничуть не хуже,

само собою разумѣется, цыплятъ, высиженныхъ курицей. У Андерсена принцесса не могла уснуть на горошинѣ, которую она почувствовала черезъ десять перинъ. Положить бы ее на яйца!..“.

Положить бы редактора „Синяго Журнала“, только не на яйца, а на что-нибудь другое — да задать ему, какъ слѣдуетъ:

— Не пиши глупостей, не пиши!

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

RESTAURANT FRANÇAIS ALBERT Nevsky 18, Pont de Police. Téléph. 12-35 et 185-61	Déjeuners, dîners et soupers à prix-fixe et à la carte. Cuisine française et italienne. Vins des premiers crus et spécialité de vins italiens.
--	--

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ? за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ	ВЪ РЕСТОРАНѢ Ивана Сергѣевича СОКОЛОВА ул. Гоголя, 21. Тел. 477-35, 29-65, и 182-22.	Комфортабельные кабинеты. Торг. до 3-хъ ч. ночи.
---	---	---

БАРЪ-ЭКСПРЕССЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Екатерининскій каналъ, 14 (Второй домъ отъ Невского пр.) Телеф. 66—89 и 251—83.	ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ ОБРАЗЦОВЫЙ ОБЩЕДОСТУПНЫЙ РЕСТОРАНЪ Буфетъ — АЛЯ-ХАВЕЛКА, разнообразныя холодныя и горячія закуски. ЗАВТРАКИ, ОБѢДЫ и УЖИНЫ а рѣх-ѣхе и по картѣ. Первоклассная кухня. Специальный погребець лучшихъ заграничныхъ винъ ПРЕВОСХОДНЫЕ АМЕРИКАНСКІЕ НАПИТКИ УЮТНЫЕ, СТИЛЬНЫЕ КАБИНЕТЫ. >< Катчикъ и №.
---	--

2-й годъ изданія.	ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА	2-й годъ изданія.
3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМИИ	„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“	3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМИИ
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.		
Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 98. Телефонъ № 59-07.		

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія изданія „НОВАГО САТИРИКОНА“:

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО

„О ХОРОШИХЪ, ВЪ СУЩНОСТИ, ЛЮДЯХЪ“.

Книга новыхъ юмористическихъ рассказовъ.
Цѣна въ обложкѣ работы худ. РЕ-МИ 1 р. 25 к.

ТЭФФИ.

Книга новыхъ рассказовъ.

„ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ“.

Обложка работы художника РЕ-МИ. Цѣна книги 1 руб. 25 коп.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

РАЗСКАЗЫ. 12 выпусковъ.

(Всѣ выпуски — изданіе 3-е—5-е). Цѣна каждаго выпуска 10 коп.

А. МЮРЖЕ.

„БОГЕМА“.

РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ.
Обложка работы художницы Миссъ. Цѣна 1 р. 25 к.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

Театральная библиотечка. 3 тома. Въ изящной обл. художника ЧЕХОНИНА. Цѣна каждаго тома 2 руб.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

КОМПЛЕКТЫ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

Съ 1-го іюня по 31-е декабря 1913 года.

Въ роскошномъ переплетѣ съ тисненіемъ золотомъ.

Цѣна 3 руб., съ пересылкой 4 руб.

Продается въ конторѣ журнала „Новый Сатириконъ“. Спб., Невскій, 98.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО

„БЕНГАЛЬСКІЕ ОГНИ“ ПЬЕСЫ И ВОДЕВИЛИ

Томъ IV. Обложка работы С. Чехонина. Цѣна 2 рубля.
Содержаніе: Трудный случай. НА ВОЛГѢ. Четверги. ОДЕССИТЫ. Суета суеть. Вчера и сегодня. Сердце матери. Павликъ. Коготокъ увязъ — всей птичкѣ пропасть. Товарищъ.

ВЛАДИМІРЪ ВОЙНОВЪ.

„СОЛНЕЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ“.

Обложка художника Ре-ми. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ӨОМА ОПИСКИНЪ.

СОРНЫЯ ТРАВЫ.

Большой томъ въ трехъ частяхъ, съ портретомъ автора и предисловіемъ, любезно написаннымъ Аркадіемъ Аверченко.
Цѣна книги въ обложкѣ работы Ре-ми — 1 руб. 25 коп.

СЕРГѢЙ ГОРНЫЙ.

„ПОЧТИ БЕЗЪ УЛЫБКИ“

ПАРАДОКСЫ и СИЛУЭТЫ

Ц. 1 р. 10 к. Складъ изданія: „Нов. Сатириконъ“, Невскій, 98.

ДМИТРІЙ ЦЕНЗОРЪ.

„ЛЕГЕНДА БУДНЕЙ“.

ЛИРИКА. Изданіе Аркадія Аверченко.
ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть I. О любви и печали. Часть II. Легенда Будней. Часть III. Раздумье.
Обложка художника Чехонина. Цѣна 1 р. 25 к.

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу Дешевая библиотечка „НОВАГО САТИРИКОНА“.

№ 13. ТЕФФИ. № 14. Г. ЛАНДАУ. № 15. А. АВЕРЧЕНКО.
Цѣна каждой книжки 10 коп.

ПЕРВАЯ ПОБѢДА.

(Реляція.)

Рис. А. Юнгера.

Сейчас же послѣ объявленія войны — мы, къ своему ужасу, увидѣли полчища Русскихъ въ предѣлахъ Германіи...

Точно львы, бросились мы на Русское войско!..

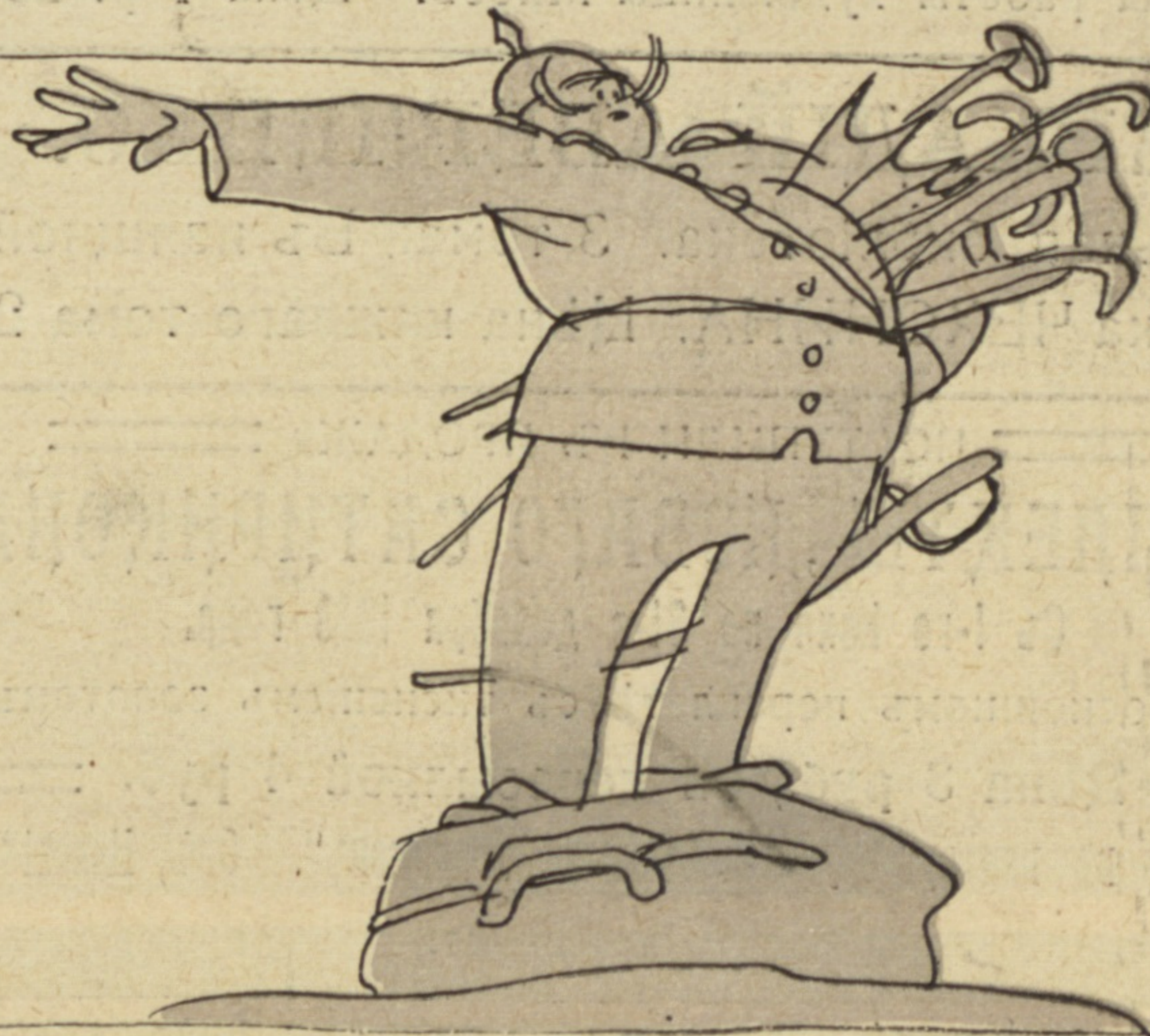
Разбили ихъ на голову...

Захватили массу оружія...

Весь обозъ...

Побѣжденные выкинули бѣлый флагъ!

И благодарная Германія поставитъ намъ за эту побѣду памятникъ!..